

Не выйдет? Не выйдет — уйдём, а душу оставим во дворце прислуживать мне до скончания веков!

Цзин, с его детским нравом, понятия не имел о человеческих порядках, да и о том, что такое почётный титул и как его можно получать каждый день, тоже не ведал. Зато он сам себе всё больше радовался, всплыл со дна озера и принялся резво плавать, а вокруг него собрались карпы, играя и кружась.

Настроение поднялось, и Цзину захотелось поскорее взглянуть на то прекрасное лицо, но это было бы уж слишком унижительно. Сам сказал — несколько дней не видеть, значит, не видеть, нельзя же идти против собственных слов.

Цзин про себя ещё несколько раз фыркнул, наигравшись в воде, взял в пригоршню маленького золотистого карпа, что пускал ему пузырьки, и умчался в другое место скоротать время.

Нефритовый Дворец, хоть и пребывал вне мира, жил своей обычной жизнью, время здесь не стояло на месте.

В покоях Цзина Цзи Ян, выплюнувший тогда кровь, всё ещё не приходил в себя, но благодаря духовной энергии дворца держался.

Служанки всё это время не отходили от него. Фанфэй, самая нетерпеливая, уже без церемоний ткнула его веткой персикового дерева, чтобы разбудить, и влила в него изрядную порцию духовной силы. Две другие духи наклонились и уставились на него, выжидая. Они притащили этого книжника, чтобы потешить господина, а вышло вот что, — кто ж не рассердится?

Их гнев был столь велик, что даже у Нун Юэ глаза готовы были выскочить.

И вот, когда Цзи Ян вновь пробудился, первое, что он увидел, — это четыре глазных яблока, нависшие над его лицом и вот-вот готовые свалиться.

Он аж вздрогнул, едва не отключившись снова.

Фанфэй снова ткнула его посильнее:

— Мерзавец!

Цзи Ян опешил. Что? Кто-то его так назвал?

Он собрался с силами, чтобы не потерять сознание, и наконец смог разглядеть окружение. Четыре глаза стали ещё отчётливее. Он тут же зажмурился. Должно быть, это сон. Иначе как объяснить такое?

Фанфэй, опасаясь, что он снова отключится, ткнула его ещё раз:

— Проснись! Мерзавец!

Цзи Ян убедился: маленькая служанка и вправду называет его «мерзавцем»!

Цзи Ян, девятый принц династии, единственный сын императора и его любимой наложницы Лу, был младшим отпрыском в семье. До нынешних событий даже наследный принц не мог с ним сравниться. В детстве, когда он только начинал учиться, император даже брал его с собой на трон во время аудиенций. Из девяти сыновей лишь его одного император держал на руках, и

делал это часто.

В день его пятого дня рождения, когда на границе была одержана победа, отец-император и вовсе заявил, что это он принёс удачу, назвав его «рождённым с заботой о Поднебесной», и тут же пожаловал ему титул Хуай-вана с лучшими уделами. Подобная милость и в летописях-то редко встречалась.

Даже старший брат, наследный принц, всегда обходился с ним подчёркнуто почтительно.

Он родился во власти и роскоши, и везде, куда ни ступала его нога, люди падали ниц.

Пока он был в забытии, это ещё можно было стерпеть, но теперь, придя в сознание и услышав такое обращение, — что бы ни происходило, врождённое благородство и гордыня разыгрались в нём.

Цзи Ян медленно открыл глаза и холодно, свысока посмотрел на Фанфэй. Та, застигнутая врасплох, невольно отшатнулась. Она всегда презирала людей, считая их слабыми в сравнении с духами и оборотнями, но холод в глазах этого мерзавца оказался пронзительным.

Фанфэй, всё ещё ошеломлённая, не успела опомниться, как Яо Юэ дёрнула её за руку. Она пришла в себя, вгляделась — да ведь это просто мерзавец!

Она, дух, испугалась человека! Взбешённая, она снова занесла персиковую ветвь, чтобы ткнуть его, но Цзи Ян уже перевёл взгляд на Нун Юэ и Яо Юэ.

Боль во всём теле ясно говорила: это не сон. Но что тогда это за четыре глаза?

Цзи Ян был и искусен в литературе, и опытен в ратном деле, начитан в классиках и никогда не верил в духов и богов. Его отец-император тоже не верил, как, впрочем, и весь род Цзи. Предыдущая династия предавалась буддизму и даосизму, днями и ночами мечтая о достижении Дао и бессмертии, в итоге и пала от рук буддистов и даосов. В смутные времена явились герои, и их род Цзи получил Поднебесную. Взойдя на престол, Великий Предок первым делом искоренил буддизм и даосизм. С тех пор минуло сто лет, монахи и даосы хоть и появились вновь, но былого размаха уже не было.

Престол рода Цзи был завоёван в битвах, выстрадан в крови. Будь на свете истинные будды и бессмертные, разве мог бы их род, по локоть в крови, стать повелителями Поднебесной? Их давно бы испепелило кармическое пламя или поразила небесная молния.

Цзи Ян тут же отбросил мысли о духах. Он решил, что его всё-таки захватил третий брат.

Эти люди, должно быть, странные мастера с юго-запада, о которых он слышал. Говорили, тамошние умеют создавать иллюзии, вот и сотворили эти выпадающие глаза, чтобы смутить разум.

С этой мыслью Цзи Ян снова закрыл глаза, отказываясь поддаваться этим дурманящим трюкам. Но ум его работал быстро. Нужно сохранять твёрдость духа, ни в коем случае не поддаваться чарам. Посмотрим, что на этот раз задумал третий брат.

Цзи Ян никогда не был из тех, кто легко сдаётся. Он всё ещё жив — значит, судьба ему благоволит. Партия ещё не проиграна.

Фанфэй, увидев, что он открыл глаза, ничего не сказал и снова их закрыл, с недоумением

посмотрела на двух духов. Этот человек совсем не считает их за людей?! Они даже не успели прочитать ему правила!

Нун Юэ и Яо Юэ тоже были недовольны, их глазные яблоки так и ходили ходуном, чуть не падая на бледное лицо Цзи Яна. Их глаза были смертоносным оружием. За столько лет в мире они повидали немало коварных людей, духов и оборотней, и, не желая, чтобы господин марал руки, всегда расправлялись с ними сами.

Насколько чисты были глаза Цзина, настолько же их собственные глаза были полны убийственной энергии и крови.

Стоило этим глазам упасть — и человек был бы мёртв.

Их преданность Цзину была вписана в самую их душу. Мысль о том, что этот человек заставил их господина горевать, затуманила их разум, и они жаждали лишь одного — его смерти.

К счастью, Фанфэй сохранила рассудок и поспешно сказала:

— Господин велел не убивать!

Цзи Ян насторожил слух. Господин? Кто это?

Он медленно припомнил: когда он приходил в себя в прошлый раз, с ним действительно говорил некий мужчина. Голос звучал молодо, но с оттенком высокомерия. Неужели этот «господин» и есть тот самый странный мастер, нанятый третьим братом? А куда же подевалась та красавица, что пыталась его обольстить? Что вообще задумал третий брат?

Пока Цзи Ян размышлял, Фанфэй поспешно оттянула за руки двух обезумевших духов.

Как раз в этот момент снаружи ворвался струящийся прохладный ветерок, несущий свежесть озёрной воды, а вместе с ним — звонкий и радостный голос:

— Он проснулся?!

Голос ещё не долетел, а лёгкий ветерок уже коснулся лица Цзи Яна, шевельнув его ресницы.

Цзин, словно ветер, примчался к персиковой кровати, не обратив внимания на странное поведение служанок, и тут же наклонился, чтобы разглядеть книжника. Увидев, что глаза того всё ещё закрыты, он пробормотал:

— Ещё спит?

Он же так долго сдерживался и сегодня не выдержал! А человек всё не просыпается?

С этим вопросом он обернулся к своим служанкам.

Нун Юэ и Яо Юэ поспешно вправили глаза на место, наконец-то придя в себя, но не зная, что сказать. Фанфэй быстро выпалила:

— Господин, он уже просыпался, он... — Цзин перебил её:

— Тогда почему глаза закрыты? Уже несколько дней! Он что, умирает?

— Нет, нет! Сейчас разбужу! — Фанфэй занесла ветку, но Цзин покачал головой:

— Не надо, ему же больно. Люди боятся боли.

«...» Фанфэй притихла, вспомнив, что уже ткнула его несколько раз... Что, если этот мерзавец пожалуется господину?

Цзи Ян, лежа с закрытыми глазами, слушал этот разговор. Его не ткнули, но сердце словно кольнуло. Затем он услышал, как тот же голос с лёгкой грустью произнёс:

— Если он не проснётся, кто же будет со мной играть в Цветочек?

Кто такой Цветочек? Цзи Ян ещё больше заинтересовался. Фанфэй тоже спросила:

— Господин, а кто такой Цветочек?

Цзин с улыбкой разжал ладонь. В ней плескалась вода, а в воде лениво плавал маленький золотисто-алый карп, по временам пуская пузырьки.

— Мой новый друг, Цветочек. Умеет пузырьки пускать!

— Какой красивый! — две духи и одна оборотеньша дружно восхитились.

Цзин был очень доволен. Он улыбнулся, прикусив нижнюю губу, и снова взглянул на Цзи Яна.

Наигравшись с золотыми рыбками и перечитав за эти дни свои любимые книжки, он уже не сердился. Он размышлял: люди вообще существа странные, если бы не были странными, то и не были бы людьми. Люди жалкие — живут-то всего несколько десятков лет, ему и на один сон не хватит. Если он будет хорошо к этому человеку относиться, тот будет с ним играть, на нём женится и чжуаньюанем станет! А кто знает, сколько ждать следующего книжника после его смерти. В этом дворце ему и вправду очень одиноко.

А это ведь человек! Да ещё и красивый.

Его нужно ценить.

Он ещё раз окинул Цзи Яна взглядом, переложил Цветочка в левую руку, а правую опустил и потянулся ею к лицу Цзи Яна.

<http://bllate.org/book/15942/1424985>